

РАБОЧИЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

по данным мониторинга СНИЦ

Борис Максимов
Социологический институт РАН

«Телескоп» эпизодически публикует результаты мониторинга, проводимого СНИЦ: «Доходы и социально-психологическое самочувствие населения Петербурга». В этой статье из всех групп населения мы выделяем социально-профессиональную группу рабочих и проводим отдельный анализ их положения, в первую очередь, материального, социально-психологического самочувствия, некоторых ориентаций (в сопоставлении с таковыми у других групп). Поскольку мониторинг включает в себя показатели только по отдельным параметрам, картина положения рабочих получается, таким образом, пунктирной, с охватом лишь некоторых черт. Отдельные данные мы привлекаем из других источников.

Оснований для отдельного внимания к рабочим можно назвать несколько. Это сохранившееся представление, что рабочие являются особой группой по объективному положению и способной проявить высокую социальную активность, сплоченность, организованность; от них можно ожидать поведения в качестве со-участника, со-субъекта реформенных преобразований, а не только объекта, терпящей стороны. В то же время важно отметить типичность отдельных черт положения рабочих как одной из групп наемных работников. На этой группе можно видеть отдельные типичные изменения (трансформации), которым подверглось (и подвергается) работающее население, притом в городе с высоким уровнем урбанизации, культуры, образования населения. Рабочие заслуживают внимания и как самая многочисленная социально-профессиональная группа среди экономически активного (и работающего) населения города (и в выборке СНИЦ удельный вес рабочих наибольший). При почетном статусе культурной столицы, Петербург все же остается (возможно – пока) индустриальным центром, городом с развитой промышленностью, которая не может (тоже – пока) функционировать без рабочих, и для которой последние оказались наиболее проблемной группой.

И проблемной прежде всего в плане занятости. Хотя мониторинг СНИЦ и не отслеживает изменения в этом ракурсе, стоит его коснуться, хотя бы фрагментарно. Состояние занятости – именно проблема. В совсем недавнее время это была проблема «избавления от излишней численности», трудоустройства высвобожденных (или не могущих найти работу после окончания школы, ПТУ, службы в армии). По нашим расчетам, состояние безработного или неполностью занятого прошло число рабочих, сопоставимое с их общей численностью (30-40 млн. в стране). Это был резерв трудресурсов, который, казалось, сохранится сам собой и может быть востребован, когда понадобится. Чаще же всего при сокращениях о перспективах вообще не думали, не до того было. И досокращались. По иронии судьбы нашей рыночной экономики, в настоящее время проблема «излишней численности» сменилась на противоположную – острого дефицита кадров рабочих. Рабочих рук нехватает не только для обеспечения продекларированного оживления производства, но и нормального функционирования сжавшихся предприятий, обслуживания оставшегося оборудования. В Петербурге дефицит выражается в существовании числа вакансий по рабочим профессиям, намного превышающего предложение. По некоторым специальностям на 1 возможного претендента приходится до 20-ти и более вакансий, особенно по профессиям машиностроения, металлообработки, профильным для Петербурга. Упомянутый резерв, увы, рассосался. При этом произошла не только потеря примерно 1/3 численности рабочего класса, но и деградация состава (по возрасту, квалификации, опыту работы, отношению к труду и др.) Относится это и к питерскому отряду рабочих, считавшемуся элитой рабочего класса. Данные мониторинга показывают, что среди рабочих самая низкая доля молодежи и наиболее высокая часть лиц старшего возраста, особенно начиная с 50 лет; четверть рабочих – в возрасте 50-60 лет и старше.

Главный вопрос здесь – о путях выхода из ситуации дефицита рабочих кадров. Промышленники видят выход прежде всего в восстановлении системы профессиональной подготовки молодых

рабочих. К этому делу подключаются даже профсоюзы. Но, как уже приходилось отмечать, проблема состоит в первую очередь в отсутствии самих контингентов для обучения. Питерские выпускники школ не ориентированы на поступление в профтехучилища, вузы же предлагают уже столько мест, что могут поглотить всех выпускников города. Ориентации на вузы способствует и внедряемая система ЕГЭ. Задача, таким образом, выливается в восстановление статуса рабочих профессий, в т. ч. в материальном плане. При этом надо иметь в виду, что 95% рабочих в Петербурге имеют среднее, незаконченное высшее и высшее образование; соответственно, высоки их запросы не только к оплате, но и содержанию, квалификации труда. Многие руководители предприятий находят выход в использовании заведомо непостоянных, перемещающихся с предприятия на предприятие рабочих, а также приезжих, вплоть до гастарбайтеров, поселяя последних иногда даже прямо в цехах, стараясь экономить на рабочей силе. Представляется, что в Петербурге с его высокотехнологичным производством ориентация должна быть на местные кадры, а если приезжие, то выращиваемые в профессиональных училищах. Для выполнения квалифицированной, качественной работы нужен качественный и рабочий – хорошо подготовленный, ответственный, добросовестный, заинтересованный в труде, стабильный, спокойный за свое положение и ценящий его. Упомянутый высокий уровень образования рабочих создает для этого предпосылки. Соответственно, в Петербурге, превращающемся в город с населением с высшим образованием, должна доминировать ориентация на производство с высокими технологиями, а не сырьевое (что, увы, имеет место). Обратимся теперь к доходам рабочих, не менее проблемному, чем занятость, вопросу, и наиболее значимому для самих рабочих. На первый взгляд, картина материального положения рабочих выглядит благополучной. Личные доходы (зарботки) рабочих были достаточно высоки, в начале 2003 г. даже выше, чем у служащих и специалистов, имели положительную динамику, за год выросли на 27,1% (табл. 1).¹

Таблица 1. Личные доходы по социально-профессиональным группам работающих, руб.

Социально-профессиональные группы	Январь 2003 г.	Январь 2004 г.	Рост за год, %
Рабочие	5019	6378	127,1
Служащие без высш. обр.	4157	5772	138,9
Специалисты с высш. обр.	4707	7355	156,3
Руководители и индив. бизн.	11600	14220	129,3
Прочие работающие	6862	6539	95,3

Но в 2004 г. рабочие отстали и по абсолютной величине доходов, и по темпам роста от «специалистов», «прочих работающих», не говоря уже о «руководителях» (только «служащие без высш. образования» оставались позади рабочих, да и то ненамного). Следует учитывать и то обстоятельство, что средние цифры скрывают низкий размер заработка у большей части работающих, кроме того «делание зарплаты» в значительной части за счет переработок, о чем уже приходилось писать. При росте в номинальном исчислении, реальная заработная плата (с учетом покупательной способности), снижавшаяся до конца 1990-х гг. (более чем в 2 раза), хотя и стала расти, но менее быстрыми темпами, до выхода на дореформенный уровень еще далеко.²

¹ * Выявленные в мониторинге доходы рабочих существенно ниже показываемых статистикой зарботков в промышленности в 1 пол. 2004 г. (8733 руб.) (1) и объявляемых некоторыми предприятиями (за 9 тыс. руб.). Очевидно, это эффект средних цифр, в которые включаются высокие доходы группы «руководителей» и «бизнесменов».

² В предыдущих публикациях отмечалось, что общие (суммарные) доходы населения, вероятно, выше показываемых статистикой и фиксируемых в исследованиях. Что касается рабочих, то, по нашим данным, у них, как правило, нет других доходов помимо основного заработка.

Вернее отражает материальное положение показатель среднедушевого дохода. Здесь картина несколько иная. При разделении общего заработка на членов семьи, доход становится ниже на 20-30%, у рабочих оказывается в 2004 г. самым низким среди работающего населения (табл. 2).

Таблица 2. Среднедушевые доходы по группам работающих, руб.

Группы работающих	Январь 2003	Январь 2004	Рост за год, %
	г.	г.	
Рабочие	3124	4086	130,8
Служащие без высш. обр.	2809	4207	149,8
Специалисты с высш. обр.	2975	4624	155,4
Руководители и индив. бизн.	6133	7332	119,5
Прочие работающие	2855	4782	167,5

Картина становится еще более верной и менее благополучной при сопоставлении доходов рабочих с известными индексами уровня жизни – прожиточным минимумом (ПМ), минимальным потребительским бюджетом, рассчитываемым профсоюзами (МПБ), субъективной социальной нормой дохода, выявляемой в опросах (ССН), отражающей представления самих работников относительно приемлемого уровня доходов. ПМ работающих в СПб. в начале 2004 г. составлял 2967 руб., МПБ – 7319 руб., субъективная норма – 9020 руб. (2, 3). Соответственно, соотношение душевых доходов у рабочих с индексами уровня жизни (и в сопоставлении с другими группами) выглядит следующим образом (табл. 3).

Таблица 3. Соотношение душевых доходов работающих с индексами уровня жизни в январе 2004 г.

Социально-профессиональные группы	Душевой доход, руб.	Доля дохода в сумме:		
		ПМ	МПБ	ССН
Рабочие	4086	1,37	0,55	0,45
Служащие без высш. обр.	4207	1,41	0,57	0,46
Специалисты с высш. обр.	4624	1,55	0,63	0,51
Руководители и индив. бизн.	7332	2,47	1,00	0,81
Прочие работающие	4782	1,61	0,65	0,53

Как можно видеть, душевые доходы ненамного превышают даже прожиточный минимум (который, стоит напомнить, отражает уровень выживания). И то – это в среднем. Фактически же почти половина опрошенных имеет доход на уровне ПМ и ниже, т. е. находится в положении бедных, несмотря на то, что они нормально работают, и получают зарплату. При этом динамика отрицательная, соотношение в 2004 г. ухудшилось. Еще ниже доля душевого дохода в минимальном потребительском бюджете и субъективной норме. Душевой доход составляет 0,4 – 0,6 МПБ, ССН. До уровня материального положения, при котором можно жить более менее нормально, дотягивает лишь часть рабочих. И это – в Петербурге, второй столице страны, у наиболее квалифицированного отряда рабочего класса.

Соответственно, восприятие рабочими своего положения, их социально-психологическое самочувствие отражает объективную ситуацию. Так, при делении населения на самых бедных и самых богатых, среди работающих (не всего населения) относят себя к бедным больше всего рабочие (здесь они занимают более 50%). В то же время часть рабочих числят себя среди «богатых» (здесь их доля примерно такая же, как и представителей других групп работающих, за исключением, разумеется, работодателей). Очевидно, это показатель социальной дифференциации самой группы рабочих.

Такова картина при разделении на самых бедных и богатых. В целом же 53% рабочих отнесли себя к группе со «средним уровнем» доходов, почти так же, как и другие работающие (служащие, специалисты, прочие), т. е. по субъективной оценке материальное положение выглядит, можно сказать, достаточно благополучным, и рабочие не отличаются ощущением

самых ущемленных в материальном отношении. Это достаточно знаменательный и сложно объяснимый феномен. Возможно, дело в примерно равном с другими группами объективном уровне доходов у рабочих. Вероятно, роль играет сравнительно низкий (хотя и повышающийся) уровень самих запросов рабочих, привыкание к низким доходам. Так, рабочие относят себя к группе со «средним уровнем» при душевом доходе в 4,8 тыс. рублей в то время как другие работающие – при более высоком доходе (за исключением служащих без высшего образования). Не исключено и влияние стереотипа общественного сознания, согласно которому доход около 5 тыс руб. оценивался как «средний». Материалы интервью (помимо мониторинга) показывают существование еще одного фактора. Установка на занижение оценок уровня жизни сменяется модной позицией показывать себя успешным в жизни, оптимистом. Это согласуется с данными ВЦИОМа, коллег из СИ РАН, показывающих рост индекса социального оптимизма в целом. В то же время надо иметь в виду, что почти половина опрошенных относилась к группе имеющих материальную обеспеченность «ниже среднего уровня» или просто «бедных», и имело место увеличение числа последних в 2004 г.

Несмотря на то, что более половины рабочих отнесли себя к социальному слою со средним уровнем материальной обеспеченности, их удовлетворенность доходами в целом низкая, более низкая (хотя и не намного), чем у других групп работающих. Так, «удовлетворены» уровнем доходов 18,6% рабочих, 54,8% – «не удовлетворены» (у других групп удовлетворенных 23-28%, неудовлетворенных практически столько же (за исключением руководителей и бизнесменов). При этом субъективные оценки по части удовлетворенности сильно дифференцированы в зависимости от объективного размера доходов. Имеющие около 3 тыс. дохода (т. е. примерно на уровне ПМ) высказывают неудовлетворенность, имеющие вдвое больший доход (около 6 тыс., два ПМ) – удовлетворены заработком.

Таким образом, здесь прослеживается относительно новое явление – достаточно четкая связь между объективным уровнем доходов и его восприятием (ранее мы наблюдали отсутствие прямой связи) и, соответственно, дифференциация субъективных оценок своего положения (раньше приходилось наблюдать общее недовольство, независимо от того, кто сколько зарабатывает). Очевидно, это есть следствие процесса индивидуализации трудовых отношений, роста индивидуализма в целом, разрушения преобладавшей ранее позиции групповой солидарности, солидарного «мы». Отсюда понятно, что становится сложно (трудно) говорить о рабочих в целом, так же, как в целом о работающих (тем более – о едином населении города).

Дифференциация прослеживается и в восприятии жизни в целом (в мониторинге применяется три соответствующих показателя – оценка прошедших изменений, прогноз изменений жизни и удовлетворенность жизнью в целом). По всем трем показателям социально-психологическое самочувствие рабочих отличается от такового у других групп работающих, при этом – в худшую сторону, хотя и при наличии положительной динамики по двум показателям. Так, среди рабочих на 4-6% меньше отмечающих, что жизнь «стала лучше», и на 3-6% больше, что «стала хуже». Так же из рабочих до 10% меньше считающих, что в ближайшие год-два их жизнь улучшится, и самое большое число ожидающих ухудшения жизни. Такова же примерно картина удовлетворенности жизнью в целом. Здесь тоже меньше, чем в других группах, число удовлетворенных и больше – не удовлетворенных. Рабочие оказываются наименьшими оптимистами и довольными жизнью. Но различия в оценках внутри самой группы рабочих даже более сильные, чем, скажем, между рабочими и служащими. Так, половина опрошенных отметила, что жизнь «не изменилась», одинаковая 1/5 часть считает, что «стала лучше» и столько же, что «стала хуже»; 22% (в январе 2004) ожидали улучшений, 9% - ухудшений, 30% полагали, что жизнь не изменится. По показателю удовлетворенности жизнью в целом рабочие также разбиваются на полярные группы: в 2004 г. 37% отмечали, что «удовлетворены», 38%, напротив, что «не удовлетворены», 25% затруднились дать оценку.

В заключение коснемся ориентаций питерских рабочих на реальные (в т. ч. протестные) действия и самих действий по изменению (улучшению) своего положения (по источникам вне мониторинга СНИЦ). Данные ВЦИОМа показывают достаточно высокую и весьма устойчивую готовность рабочих принять «личное участие» в акциях протеста в целом по России. Рабочие не намного отличаются от других групп решимостью протестовать, но все же их «первенство» в этом плане налицо. Можно полагать, что и в Петербурге имеют место сходные настроения. Данные наших интервью раскрывают ориентации рабочих, по крайней мере, крупных

промышленных предприятий на противостояние работодателям, потенциальную готовность к проявлению протестной социальной активности. Позиция проявляется в четком отделении «мы» – рабочие, от «они» – «хозяева», «начальники», в использовании формулировок типа «у нас с ними противоположные интересы», «мы с ними еще разберемся», «их надо гнать», «они – наши враги» и т. п. Правда, протест остается, как приходилось отмечать, в основном потенциальным. В то же время, возможно его быстрое, сильное, даже разрушительное проявление при возникновении соответствующей (как бы «пусковой») ситуации.

С начала 2000-х годов в Петербурге не зарегистрировано ни одной забастовки на предприятиях тех отраслей, где наиболее вероятно участие рабочих. Может сложиться впечатление, что реальные коллективные действия питерских промышленных рабочих вообще отсутствуют. Но это далеко не так. Забастовки представляют собой лишь одну из форм активности наемных работников. Новое трудовое законодательство усложнило их проведение, трудовые конфликты просто не доходят до стадии регистрируемой (учитываемой) забастовки, информация о них не становится достоянием общественности, в т. ч. ввиду игнорирования их средствами массовой информации. Лишь некоторые издания публикуют сообщения об инцидентах в области трудовых отношений (проявляющихся в различных формах). В виду трудной преодолеваемости официальных (установленных) согласительных процедур при разрешении трудового спора, рабочие все чаще прибегают к неформальным методам борьбы, типа «работы по правилам». Можно привести примеры использования таких способов питерскими рабочими. Так, докеры Морского торгового порта, не объявляя открытой забастовки, стали по правилам соблюдать режимы труда (не перевыполнять нормы, не работать сверхурочно, в выходные и праздничные дни). Поскольку загрузка порта и размер заработной платы предусматривали переработки, скоро работа предприятия была парализована, заработки упали; работодатели вынуждены были пойти на повышение тарифов оплаты труда на 40%. Трамвайщики Горэлектротранса применяют целый набор неформальных методов реализации своих требований (устроенный съезд трамвая с рельсов при утреннем выезде из парка, персональное давление на руководителей, даже «потасовка во Дворце труда» и т. п.) (4). Таким образом, и в Питере дело не ограничивается выражением неудовлетворенности оплатой труда, положением в целом, существует возможность взрыва недовольства, хотя социальная активность рабочих и сохраняется пока в фазе потенциального конфликта.

По результатам анализа можно сделать следующие обобщенные выводы. Уровень доходов рабочих в Петербурге ниже, положение в целом и социально-психологическое самочувствие хуже, чем у других групп работающего населения (при близости по названным показателям к группе «служащих без высшего образования»). Разница невелика, и ее можно было бы считать приемлемой, если бы у рабочих (как и других групп наемных работников) соотношение доходов с индексами уровня жизни не выглядело весьма неблагоприятным, что неоправданно с экономической точки зрения и неприемлемо, даже опасно в социально-политическом плане. Неудовлетворенность рабочих своим положением хотя и не выглядит критической, но является постоянной, как бы хронической; протестная активность находится в основном в фазе латентного конфликта, но не исключено и его открытое проявление, при этом широкое, с элементами взрывного характера. При этом возможно психологическое преодоление сегодняшней социальной дифференциации, разрозненности внутри группы самих рабочих. Отсюда понятно, что данная группа, одна из основных групп экономически активного населения, требует общественного внимания, большего, чем то, которого удостоиваются сегодня потомки, наследники, представители питерского пролетариата. Существует представление, что доходы у рабочих (а значит и уровень жизни в целом) и должны быть ниже, чем у получивших не начальное, а среднее, высшее профессиональное образование. Возможно, в абстрактном плане положение рабочих на ступеньку ниже по социальной лестнице и закономерно. Но в статусе «синих воротничков» есть такие отрицательные черты как рутинный характер труда, нередко тяжелого и в том числе вредного, ограниченный потолок профессионального роста, социального продвижения, низкий социальный престиж, засасывающая в пьянство профессиональная среда... Более высокая оплата труда могла бы компенсировать эти изъяны статуса. Представляется, что в демократическом обществе не должно быть униженных социальных групп. Ну, а с практической точки зрения требуется как-то преодолевать нежелание питерской молодежи идти в рабочие. Во всяком случае голосование

молодежи ногами служит убедительным, хотя может быть и «неправильным» аргументом в пользу повышения статуса рабочих.

Литература

1. Санкт-Петербургские Ведомости, 10 июня 2004 г. С. 5.
2. Единство. 2004, № 7 (304). С. 12.
3. Дело. 2004, № 14 (322) (19 апреля 2004 г.). С. 7.
4. Рабочая демократия, №3 (89), ноябрь 2004. С. 1-2.